

Бабушка Саша

Из цикла "Образы прошлого"

Мне было пять лет. Кончался май 1944 года — предпоследнего года войны. Наша семья вернулась из эвакуации в Одессу, которую недавно освободили. Ютились мы в старой своей квартире, состоящей из одной комнаты и примыкавшего к ней глухого "кубрика" площадью не более восьми квадратных метров. Это жилище располагалось на первом этаже прямо против Привоза и до революции использовалось под мелкий магазинчик, а "кубрик" был, скорее всего, складиком. Помню, однажды утром меня разбудил отец. Армия двигалась к границам Румынии, а его инженерная часть была оставлена в Одессе для восстановления береговых батарей. Широко улыбаясь, отец сказал: "Знаешь, кто к нам приехал? Бабушка Саша!". Потом, совсем проснувшись, я впервые увидел полную невысокую женщину с добрым круглым, покрытым мелкими морщинками лицом и добрыми улыбочивыми глазами. Ходила она, слегка переваливаясь на больных отечных ногах.

Моя бабушка, в девичестве Александра Игнатьевна Кириченко, уроженка городка Очаков, происходила из потомственной рыбацкой семьи и едва умела писать. Вся ее жизнь до последнего вздоха прошла в заботах о близких и нелегком труде. Как сказал мне лечивший ее врач, "последние годы она жила лишь работой".

...В семье было пять сестер и один брат. Хотел прадед Игнатий выучить сына, да у того учеба не пошла, остался он на всю жизнь, как и его отец, рыбаком. А на учебу сестер денег уже не хватало. До замужества бабушка вместе с другими выходила на шаланде в море "по чирус и ставриду". Была бабушка в молодости красивой. К слову, и остальные сестры тоже были, как теперь говорят, "в порядке". И трое из пятерых поэтому весьма удачно вышли замуж. А она приглянулась потомку запорожских казаков, которые в свое время основали Славяно-Сербку, Ивану Павловичу Крайнему. Был он из семьи крестьян-погорельцев, работал с юных лет в Луганске, где окончил вечерние классы. Природа наградила его каллиграфическим почерком и врожденной грамотностью. Поэтому, попав на военную службу в крепость Очаков, он был замечен и произведен в писаря. Окончив военную службу, уехал домой на Донбасс, но вскоре вернулся, пошел на сверхсрочную и женился на бабушке Саше. У меня хранится

его вид на жительство, где в 1907 году сделана, церковная запись "...Повенчан первым браком с очаковской мещанкой Кириченко Александрой Игнатьевной...". И все у бабушки начиналось хорошо. Она родила мужу трех прекрасных сыновей, муж не пил, не курил, никогда не повышал голос. Служба у мужа тоже складывалась неплохо. Начальство присмотрелось к нему, оценило его способности и положительные качества, и в канун Первой мировой войны он был отправлен на курсы офицеров инженерных войск. За три года войны он дослужился до штабс-капитана. Ему доверяли ведение работ на о. Первомайском, на минной батарее...

Грянула революция. В Москве, Петрограде, Киеве поменялась власть, а в Очакове оркестр каждое утро исполнял "Боже, царя храни", и поднимался триколор. Потом к Очакову подступил Григорьев со своими "революционными" формированиями. После недолгого сопротивления гарнизон крепости отступил на Одессу и самораспустился. Дед некоторое время служил у красных, но потом "великие" очаковские революционеры Чижиков и Цукуренко начали третировать его как бывшего офицера, и он от греха подальше сбежал к белым. Чего добивались эти выходцы из люмпенов — неизвестно. Ведь большая семья бабушки не имела в тот момент даже своего угла, а располагалась в доме мужа ее сестры Феодосии...

Если бы не дети, которые, слава Господу, "удались", личная жизнь моей бабушки — одна из самых трагичных, которые повстречались на моем жизненном пути. А какой силой духа нужно было обладать, чтобы все пережить, устоять, не поддаться... Дед Иван Павлович шлет к ней посыльных и просит взять детей и выйти в море на шаланде за Кимбурнскую косу, где их будет встречать белый миноносец. Бабушка отказывается. Либо очень уж у нее были глубокие корни на своей земле, которые трудно вырвать, либо побоялась она пускаться в море с тремя малолетками, младшему из которых было всего пять лет. А может, ей нашептала это природная интуиция: дома, как говорят, и стены помогают, а что бы она, неграмотная рыбацка, делала, оказавшись с тремя детьми за рубежом?

Первый ее муж, Иван Павлович Крайний, был расстрелян "краснозелеными" после взятия Феодосии вместе со всем инженерным управлением армии Врангеля. Бабушкина приятельница Вера Михайловна Воробьева была при своем муже в Белой Армии, и расстрел офицеров происходил на ее глазах. По ее словам, Иван Павлович принял смерть мужественно. Бабушка осталась одна с тремя детьми. Старшему из них было одиннадцать, младшему — шесть. Она никогда не рассказывала, не жаловалась, как ей было трудно. Но ее старшая сестра Степанида, которая так

и не вышла замуж, а всю жизнь состояла при трех своих племянниках, бывало, со слезами говорила: "Как она работала! С ночи до ночи! Она таскала на себе тяжелые мешки с картошкой из Бейкуша, Анчикрака, чтобы кормить хлопцев...". Я уже писал, что бабушка была хороша собой, помимо этого простая рыбацка обладала природным тактом и шляхетностью. А как красиво она держалась та столом!

Начался нэп. На бабушку обратил внимание одесский предприниматель Василий Алексеевич Голиков. Он владел кондитерской фабрикой на углу Пантелеймоновской и Пушкинской, в помещении этом сейчас располагается супермаркет "Приморье". Несколько лет нэпа были для бабушки передышкой. За это время старший Константин окончил школу и уехал на Донбасс зарабатывать пролетарский стаж. Пройдя суровую подземную школу, один раз проведя в завале под врубовой машиной почти сутки, другой раз — более трех в затопленном помповом отделении, из которого путь на поверхность был отрезан, отслужив в Красной Армии, он вернулся в Одессу и окончил Политехнический институт. К концу трудовой деятельности он стал директором завода в Тамбовской области, где выпускались ракеты класса "земля-воздух". Константин Иванович прекрасно играл на гитаре. Когда он попал в завал, его приятель взрывник сказал: "Эх, а хто ж будэ граты нам на гитари?". Израсходовал месячный запас тола и добрался до Константина Ивановича. Уже в солидном возрасте Константин Иванович самостоятельно освоил фортепиано и всегда исполнял на нем только украинские песни. Но после донбасской школы у него всю жизнь подергивалась нижняя губа.

Средний брат Александр бредил о море, но из-за сомнительного происхождения не был принят на судоводительское отделение мортехникума. Тогда, поработав, поднабрав рабочего стажа, окончил в Одессе строительный институт, потом попал в армию, начало войны встретил офицером-сапером на западной границе, отступал до Кубани, а в 1943 году получил тяжелейшее ранение под Ростовом и на всю свою недолгую жизнь остался инвалидом. После войны до конца дней преподавал в строительном институте. У Александра Ивановича был один крупный недостаток. Он говорил правду. В советские времена правда, как известно, всегда имела розовый оттенок, а в его правде таковой начисто отсутствовал. За это в 1938 году он был арестован. Заложил Александра Ивановича его приятель, однокурсник, который в буквальном смысле дневал и ночевал в нашей семье. Однако дядюшке фантастически повезло. Во-первых, попал к хорошему следователю, что в те времена было чрезвычайной редко-

стью, а во-вторых, "шлепнули" Ежова, пришел Берия, в начале власти которого ряд дел был закрыт, а часть арестованных выпустили. Дядюшка отсидел всего несколько месяцев.

Младший брат Сергей тоже набрал рабочий стаж и закончил Одесский мортехникум, гидротехническое отделение. Руки у него были золотые. Учась в мортехникуме, он подрабатывал мелким ремеслом: ремонтировал дверные замки, делал ключи к ним, плотничал.

А муж бабушки Василий Алексеевич Голиков был в конце 20-х годов экспроприрован, хорошую квартиру у него отобрали, и он вместе с бабушкой, детьми и ее сестрой Степанидой перебрался в бывшую лавку с "кубриком". Работал он теперь чернорабочим, перевоспитывался. Бабушка не бросила его, не отвернулась, но опять вынуждена была перебраться в Очаков. Как бывшего буржуя туда Василия Алексеевича не пускали, ведь городок и при советской власти числился крепостью. Опять бабушка работала с утра до ночи, чтобы поддержать одесситов, в том числе Василия Алексеевича. Приезжая в Одессу, привозила неподъемные сумки со съестным. В 1938 году Василия Алексеевича как не перевоспитавшегося взяли, и он исчез без следа. Заложил его все тот же сокурсник Александра Ивановича. А бабушка лишилась второго мужа. Не знаю, как она перенесла этот удар, но она никогда не прикладывалась к рюмке, не курила. Вот чай она любила до самозабвения. У нее была огромная чашка, и вечером после рабочего дня она выпивала не менее трех. Даже когда врачи запретили ей потреблять много жидкости, она раздобыла где-то другую чашку с толстенными боками, внутренний объем которой был гораздо меньше, но общий вид оставался впечатляющим.

Накануне войны мой отец был призван во флот и участвовал в обороне своего родного Очакова. Что греха таить, во время нашего сумбурного отступления, несмотря на общий патриотизм, многие военнослужащие на фоне общей неразберихи разбегались по домам. Но у бабушки даже мысли не возникло после всего того, что сотворила с ее личной жизнью советская власть, уговорить младшего сына остаться дома после ухода наших войск из Очакова. Она только сняла со стены образ Божьей матери и благословила его. Мой отец отступил с гарнизоном на Кинбурн, а позже, став неожиданно старшиной госпитального катера, который был переоборудован из рыбацкого дубка, — на Керчь. Еще позже, поскольку офицерский корпус нуждался в пополнении, его послали на курсы, учтя гражданскую специальность строителя. Окончив их, он до конца войны служил в инженерных частях Черноморского флота... В этот раз судьба была благосклонна к бабушке. Все ее три сына остались живы.

Бабушка владела половиной глинобитного дома из четырех комнат и зимней веранды. Эта половина досталась ей от ее родной сестры Феодосии, которая тоже весьма удачно вышла замуж за потомка древнего литовского рода Довойно, правда, дворянин был старше ее, по официальным данным, на 34 года. Дядя Александр Иванович рассказывал, что Довойно сбежал подальше от Вильнюса после участия в националистическом движении, устроился на работу в местное отделение банка. Деньги, по всей видимости, у него водились, он приобрел дом из восьми комнат, половина которого была продана с наступлением тяжелых времен, а половина осталась в распоряжении бабушки после того, как зятя ее сестры Феодосии, офицера Красной Армии, перевели служить на Кавказ, и старики вместе с дочерью и внуком переехали в Батуми. Во время войны на попечении бабушки находилась несовершеннолетняя дочь Константина Ивановича Лиля. Родители отправили ее из Донбасса на летнее море, а тут война...

При оккупационных властях бабушка устроилась поваром в румынскую офицерскую столовую. Надо сказать, что кулинаром она была отличным. Плюс, вероятно, основательно подучилась кондитерскому делу, когда жила со своим вторым мужем. И, насколько я помню, до тех пор, пока не слегла окончательно, выполняла заказы по выпечке тортов всему Очакову. На День Военно-морского флота она делала большие красивые торты для Очаковской ВМБ. Помню, на одном торте она изобразила торпедный катер в бурунах пены. Правда, всегда просила меня проверить грамотность надписи. Один раз, приготовив огромный свадебный торт, она позвала меня, и я прочел: "Новобрачным счастье в сруки!". Буква "с" в последнем слове оказалась явно лишней. Бабушка застенчиво посмеивалась... У бабушки была своя "коптельня", маленькая глинобитная пристройка к летней кухне. Она здорово коптила скумбрию, ставриду, осетровых, домашние колбасы... Может быть, это только воспоминания о детстве, но до сих пор мне кажется, что никогда в жизни я не пробовал более аппетитных копченостей.

Итак, бабушка в оккупации не бедствовала. К ней с уважением относились румынские власти. Как-то я подслушал рассказ бабушки своей сестре, что нагрянуло в Очаков высокое начальство с проверкой гарнизона, и румынский генерал жал ей руку и лично благодарил за отлично накрытый стол. Я был в те времена воспитан в архипатриотическом духе, поэтому спросил однажды бабушку: "А ты не могла подсыпать им яда?". "Ты что?! — испугалась она. — Знаешь, что бы мне за это было?!"

Не помню, как она в свой первый послевоенный визит сумела добрать-

ся до Одессы. Ведь прошло менее двух месяцев со дня освобождения, и никакого регулярного транспорта не было. Она забрала меня и мать моей матери, т. е. вторую мою бабушку Веронику Васильевну, и мы поехали в Очаков набираться сил. Первое мое путешествие морем в Очаков шло на "морском охотнике". Нас пристроил на него командир Очаковской ВМБ контр-адмирал Александр Мечников, который снимал в бабушкином доме две комнаты. С тех пор я считаю Очаков своей второй родиной...

У нашей семьи не было глубоких корней в Одессе. Тогда, в конце соколовых, на одесских кладбищах не лежало ни одного нашего родственника. Поэтому впервые в жизни я побывал на кладбище, тихом чуть ли не сельском кладбище, очаковском. Бабушка в течение лета минимум дважды посещала могилы своих родителей. Она расстилала на высохшей, покрытой скудной травой земле кусок рядна, присаживалась, задумывалась. Стрекотали кузнечики, в прозрачном знойном воздухе неслись голоса птиц... Вообще, бабушку нельзя было отнести к разговорчивым людям. Она всегда больше слушала. На кладбище она выглядела печальной. О чем она вспоминала? Может, это была ее дань погибшим и неизвестно где и как похороненным мужьям? Я никогда не задумывался и не расспрашивал бабушку о ее детстве, о ее родителях. Теперь можно только жалеть об этом. Пусть и простые прадед и прабабушка были люди, но ведь, если у них вырос ребенок без пороков и вредных привычек, значит, есть причина этому... А прадед мой, вероятно, был расстроен, когда родилась очередная девочка, хоть и была она прелестна...

В 1941-1944 годах часть Очакова занимали румыны. Люди они были покладистые. Очаковские хлопцы, на несколько лет старше меня, рассказывали, что можно было наблюдать и такую картину: дед с палкой гонится за румынским солдатом, а тот улепетывает по баштану с двумя арбузами под мышкой, с болтающимся за спиной карабином. Правда, слободской район Очакова занимала немецкая часть, а там мужики были строгие, вольностей не допускали, могли и побить за самовольство либо пререкания, в общем, вели себя как натуральные оккупанты. Уровень жизни на момент моего первого приезда в Очаков был по сравнению с другими неоккупированными районами Советского Союза очень высок. Еды было полно. В Очакове люди, вернувшиеся из эвакуации, отъедались. Однако советская власть быстро навела порядок. Приехав к бабушке на следующее лето, я помню, что на местном молзаводе уже вместо молока давали по талонам "маслянку" или "перевийку". Однако такой голод, как был в других районах Украины в 1946-1947 гг., Очаков миновал. Это городок рыбаков, а рыба, пусть даже плохо, но ловится всегда.

У бабушки на двоих с соседями был огромный сад-огород, где росло несколько абрикос, пару кислых вишен, пару слив и груша. Почва в Очакове бедная, с водой плохо, поэтому огород был худой. Помню, рос лук, немного мелкой картошки, кабак. Роясь в огороде, я находил остатки турецких глиняных курительных трубок, осколки керамической посуды. Ведь Очаков со второй половины 18 века был турецкой крепостью...

Бабушка по своему складу не была ни садоводом, ни огородницей. Но работала она в буквальном смысле от зари до зари. На базар она собиралась, едва начинал брезжить рассвет. Став постарше, я, бывало, шел ей помогать, а бывало, встречал, когда она возвращалась с полными корзинами. "Бабу Сашу" знал весь Очаков. Позже, когда ноги совсем разболелись, она просила кого-нибудь поднести ей корзины. Ее сопровождали поэтапно. Один пройдет с ней квартал, бабушка присядет, отдохнет, попросит другого попутчика — еще квартал — и так до дома. Потом бабушка начинала готовить пищу. Завтрак у нас обычно был легкий. Правда, на столе могла быть черная икра. Родственники-рыбаки тайком подбрасывали и икрыных осетров. А так — густая сметана, масло, ряженка, яйца отварные, творог, брынза. Обед и ужин не отличались разнообразием гарниров. Бабушка, правда, любила кашу по-рыбацки. Раз приехав к бабушке на весенние каникулы, я навсегда запомнил, как она аккуратно, с удовольствием доставала из пшена распаренные кусочки бычков и неторопливо смаковала их, словно впитывая живительный нектар. Может, в этот миг перед ее глазами проносились картины рыбацкой молодости... Но на обед и на ужин у нас всегда была рыба в разных вариациях: копченая, жареная, вареная, тушеная, соленая. Калкан, глосса, скумбрия, судак, осетрина, ставрида, бычки, анчоус... Конечно, бывали и куры, и утка, и гусь, и котлеты, и тефтели, но, в общем, мясо было не часто. А вот вареники с творогом, с вишнями, плаинды с кабаком, т. е. разнообразное тесто, бабушка готовила частенько. Кстати, ленивые вареники с творогом я впервые попробовал в Очакове. Бабушка много и разнообразно пекла. Помимо вышеупомянутого были и пирожки, и коржи с маком, и печенье, и пироги с разнообразными начинками, и вертуты — всего и не упомнишь. А какие она делала пасхи! Я помню, что последние не черствели и не плесневели, по крайней мере, три недели после праздников. Она всегда привозила или передавала их в Одессу. Сырную пасху первый раз я попробовал тоже в бабушкином исполнении. А из абрикос и вишен она готовила такую уйму варенья и повидла, что даже родичи не успевали все съесть до следующего сезона.

Казалось бы, что проще сварить обед для себя и внука, который, к тому же, страдал отсутствием аппетита. Но летом у бабушки почти всегда был полон дом гостей, и готовить приходилось предостаточно.

И очень часто, почти ежедневно, поступали заказы: сделать торт на столько-то яиц, закоптить окорок, осетрину, спечь хрустики и т. д. Конечно, бабушке за это платили. Но она, получив деньги, могла сунуть их куда угодно, а потом забыть. Я находил эти трешки и пятерки в самых неожиданных местах. Под скатертью, в книгах, под вазой с цветами, в наволочке, за зеркалом... Бабушка была очень хлебосольна. Помню, на одной расхожей деревянной тарелке для хлеба была вырезана надпись по-польски: "Чем хата богата — тем рада". У бабушки во времена моего детства систематически объявлялись одна-две бедные, несчастные, одинокие старушки, которых она подкармливала. А родственников у нее и кумовьев было чуть не половина Очакова. Первые годы, когда я приезжал один, каждый вечер у бабушки собирались старые приятельницы. Было им в ту пору едва по 60 лет. Помню веселую тетю Пашу Приступу, которая часто брала меня с собой на баштан. Они с бабушкой в шутку называли себя подругами. Тетя Паша была первая, кто, приехав в Одессу, сказал, что бабушка стала терять силы и уже не та. Теперь она уже не бегаёт целый день из кухни в хату, из хаты в сад, а больше сидит или ложится отдыхать.

У бабушки всегда были квартиранты. Сперва она сдавала две комнаты из четырех. Потом одну, самую светлую и просторную. В последние годы не было никого. Снимали у нее комнаты совершенно разные люди, но все больше военные семьи. Конечно, многих из них, которые жили у бабушки не один год, я хорошо запомнил. Я уже говорил о командире Очаковской ВМБ контр-адмирале Александре Месникове, дяде Саше. Еще продолжались боевые действия на всех фронтах, а он поселился у бабушки с женой тетей Валею. Не помню отчества дяди Саши, но грудь его была увешена наградами. Человек он был веселый, общительный, добрый. Кажется, у них с тетей Валею не было детей. Возможно поэтому ко мне он относился прекрасно. А бабушка ладила со всеми квартирантами вне зависимости от возраста, рангов и национальности. У нее в свое время проживали три еврейские офицерские семьи. Первую семью я плохо запомнил, только их дочку, рыженькую девочку моего возраста, Мару. Глава второй семьи, майор Яков Маркович Зелихман, был начальником снабжения Очаковской ВМБ. Бабушка его очень хвалила как отличного хозяйственника, много сделавшего для улучшения быта и питания моряков. У него были две дочери, Майя и Рада, на три-четыре года старше меня.

Последняя — семья Краковских. С этой семьей у меня сложились очень теплые отношения, когда я служил на Северном флоте. К тому времени подполковник медслужбы Яков Леонович, совсем молодым попав на войну, имеющий боевые награды, был переведен дослуживать свой срок в Мурманск. Отличный врач, он много сделал в свое время для поддержания здоровья бабушки. Доверяла она ему как врачу исключительно. Я не был с ними знаком, когда они жили в Очакове. Вероятно, это был период моих курсантских лет. Но там, в Заполярье, я был их частым гостем. В семье Краковских тоже росли две дочери, Нина и Лена, они были значительно младше меня. Почему у бабушки снимали квартиру так много еврейских семей? По-видимому, из-за ее демократичного склада характера. Все-таки, подавляющее большинство населения Очакова — украинцы. Зачем лукавить, есть у многих щирых украинцев врожденная неприязнь к евреям. Я помню, как примахивались парни в Очакове на танцплощадке к моему старшему брату, москвичу Игорю Хохлову за его якобы еврейское происхождение, хотя у Игоря не было ни одного семитского признака, только, разве что, он обладал густой черной шевелюрой. А бабушка всегда была очень деликатна. И вот еще... Я не могу вспомнить ни одной ее серьезной ссоры с соседями по дому. Половину его занимали две родственные семьи Стацюра и Швеца. С их сыновьями я дружил, нам делить было нечего. А бабушка еще, по-видимому, обладала христианским даром всепрощения. Ведь нам, славянам, прожить в одном дворе, фактически под одной крышей десятки лет и не разругаться — это что-то сверхъестественное.

В последние школьные годы я стал реже бывать в Очакове, уже не приезжал, как раньше, на все лето. Вначале причиной этому было появление у отца новой семьи, потом начались курсантские годы, плавпрактики. Да и в Очакове уже не было для меня так интересно, как в детстве. Бесспорно, влекло туда, но через некоторое время становилось скучно. В Одессе были друзья, более близкие по духу, а очаковские хлопцы могли меньше бездельничать, т. к. во всю помогали своим родителям. Ведь городок так и оставался большой деревней... А бабушка звала к себе и говорила: "Можешь приезжать с товарищем". Последний раз я видел бабушку за год до ее смерти. Мы приехали с отцом буквально на два дня. Было начало апреля. Уже более двух лет с ней жила старшая сестра Степанида, перевезенная из Одессы доживать свой век. Дом бабушки словно оглох, стены комнат пропитались старостью. Бабушка расплакалась: "Вы все не хотите знать, какая я больная"... Потом успокоилась и, собравшись с сила-

ми, приготовила обед, и конечно, как всегда, завернула что-то на обратную дорогу. Вскоре я ушел в рейс на теплоходе "Белорецк", а через год, в апреле, когда судно стояло на выгрузке в Египте, получил от матери радиограмму о бабушкиной смерти на 76 году жизни. Умерла она на руках тети Ани, жены среднего сына Александра, мотавшейся много месяцев из Одессы в Очаков. Только она одна из всех невесток, человек исключительно отзывчивый, добрый, бывшая военная медсестра, отдала уйму своих сил и времени, ухаживая за больной бабушкой. Перед смертью бабушка сказала ей: "Теперь, Аня, я вижу, что значит дочка"... Отец перевез и похоронил ее в Одессе. И до сих пор с фотографии на памятнике мне чуть улыбается старая женщина с добрым лицом... Конечно, такие люди заслуживают лучшей судьбы, но Бог послал ей испытания...

Я смотрю на шикарные памятники крутых парней, рано ушедших в мир иной, и думаю: "А хватило бы у вас мужества и сил, потеряв двух мужей, поставить на ноги трех сыновей, не имея ничего кроме своих умелых рук, трудолюбия, широкой души и доброго сердца?" Хотя это тоже от Бога.

